

Глава 5. Строптивая «жёнушка»?

День клонился к вечеру, и путники решили остановиться на ночлег в придорожном заведении. Трактир оказался крошечным, но, к счастью, и постояльцев в нём почти не было.

Устав от долгой дороги, Е Чжэнь сидел внизу у окна. Он сделал глоток поданного чая, но тут же поморщился и отставил чашку в сторону. В этот момент к нему подошёл его личный слуга, Фэйсэ. Почтительно поклонившись, он тихо доложил:

— Господин, до столицы осталось совсем немного. Если выступим завтра на рассвете, к вечеру уже будем на месте.

Е Чжэнь едва заметно кивнул.

— Передай людям, чтобы ночью ухо держали остро, — ровным голосом произнёс он. — Нельзя допустить оплошности.

— Не беспокойтесь, господин, всё уже устроено, — глухо отозвался Фэйсэ.

Е Чжэнь небрежным жестом отпустил слугу, но, вспомнив о чём-то, окликнул:

— Стой. Вернись.

Фэйсэ послушно развернулся.

— Слушаю вас, господин.

— Найди какую-нибудь мазь от ушибов и ссадин. Пригодится.

— Будет исполнено.

Слуга поклонился и поспешил выполнить поручение.

Тем временем Е Шуанчэн, в чьей душе klokотала нешуточная обида, заперся у себя в комнате и наотрез отказывался выходить.

В дверь шмыгнул Цю Мин. Увидев своего молодого господина, который со злым видом сидел на краю постели, слуга поспешил к нему с утешениями:

— Молодой господин Шуанчэн, почему вы не спускаетесь к ужину? Даже если вы сердитесь, зачем же морить себя голодом?

Шуанчэн недовольно вскинул голову:

— Да разве это я сам себя извожу? Это Е Чжэнь надо мной издевается! Кем он себя возомнил? Явился невесть откуда, командует... Исчез на целых десять лет, а теперь вернулся и слова доброго сказать не может! Сплошные придирки! Он просто ждёт, когда мы приедем в столицу, чтобы запереть меня и сжить со свету. Не бывать этому! Я ни за что не поеду с ним. Мы разделим имущество, и каждый пойдёт своей дорогой!

От этих слов Цю Мин побелел как полотно. Пусть он не знал характера Е Чжэня лично, одного титула Главы кабинета — хватало, чтобы нагнать ужас. Не обладай этот человек железной хваткой и суровым нравом, разве удержался бы он на вершине власти? К тому же Е Чжэнь возглавлял весь род Е. В столице и самому Шуанчэну, и его слугам придётся беспрекословно подчиняться воле главы семьи.

Со скорбным лицом Цю Мин принялся увещевать упряма:

— Молодой господин, умоляю, умирите свой гнев! Он ведь ваш старший брат, глава рода! Как можно вот так просто выкрикивать его имя?

Но Шуанчэна, закусившего удила, было не остановить. Добрые советы слуги отскакивали от него как от стены. Гордо вскинув подбородок, он упрямо заладил:

— Не поеду в эту вашу столицу! Вернусь в Биньчжоу! Слышишь? Мы разделим семью!

В этот самый миг дверь с лёгким скрипом распахнулась. Шуанчэн и Цю Мин так и застыли с открытыми ртами. На пороге, окутанный прохладой вечернего ветра, стоял Е Чжэнь. Его движения были неторопливы и полны величественной грации.

— И кто же это собрался возвращаться в Биньчжоу? — негромко спросил он.

В комнате повисла мёртвая тишина.

— И кто это решил разделить семью?

Заметив, как потемнело лицо Е Чжэня, Цю Мин испугался, что молодому господину несдобровать, и торопливо заслонил его собой:

— Нет-нет, господин! Никто не собирается в Биньчжоу, и про раздел семьи никто даже не думал!

Е Чжэнь окинул слугу бесстрастным взглядом. Мальчишке было на вид лет семнадцать-восемнадцать — чистенький, смазливый. Небрежным жестом старший брат приказал:

— Ступай. Нам нужно поговорить.

Цю Мин в тревоге прикусил губу, бросил жалобный взгляд на Шуанчэна и, низко склонив голову, попятился к выходу.

Шуанчэна и раньше раздражали эти бесцеремонные манеры великого чиновника, а уж когда тот вошёл без стука, юноша ухватился за это как за спасительную соломинку.

— Кто вам разрешал входить?! — вызывающе прикрикнул он. — Неужели в столице не учат стучаться в дверь?

Е Чжэнь спокойно приподнял бровь:

— Е Шуанчэн, это ты так осмелел за десять лет, или решил, что у твоего брата ангельское терпение?

Шуанчэн осёкся. От былой спеси не осталось и следа. С малых лет он помнил: за безупречными манерами и мягкой улыбкой Е Чжэня скрывался стальной характер. Если этот человек решал за что-то взяться, он действовал безжалостно и стремительно. Идти на открытый конфликт с таким грозным противником было чистой глупостью. Опустив глаза, он лишь насупился и отвернулся, мысленно утешая себя излюбленной поговоркой о том, что истинный муж должен уметь вовремя отступить.

Старший брат, разумеется, понятия не имел о спасительной философии «истинного мужа». Он неторопливо подошёл к постели и, слегка нахмурившись, спросил:

— Колени совсем не болят?

Шуанчэн замер. Только сейчас, когда брат заговорил об этом, он вспомнил про свои ушибы. Саднить начало с новой силой — ладони и колени словно припекало огнём. Лицо юноши невольно исказилось жалобной гримасой. Краем глаза он заметил, как Е Чжэнь занёс руку. Перепугавшись, что сейчас его начнут колотить, Шуанчэн мгновенно отпрянул в самый дальний угол кровати.

— Вы что делаете?! — заголосил он, выставив вперёд локти. — Мы только встретились, а вы уже за кулаки берётесь? Если ударите меня, я ни в какую столицу не поеду!

Рука Е Чжэня так и застыла в воздухе. Мужчина едва заметно усмехнулся.

— И кто собирался тебя бить?

Видя, что младший брат действительно дрожит от страха, Е Чжэнь тихо вздохнул. Он мягко опустился на край кровати и слегка похлопал по покрывалу:

— Ну же, иди сюда. Не трону я тебя.

Шуанчэн всё ещё не верил ему. Он нехотя, со скорбным видом поёжился, но, заметив, как потемнел взгляд брата, испугался разозлить его окончательно. Сантиметр за сантиметром он придвинулся ближе и, не поднимая головы, прошептал:

— Брат... ты только не сердись на меня.

— Я и не сержусь, — отозвался Е Чжэнь.

«Ага, расскажи это кому-нибудь другому, — уныло подумал Шуанчэн. — Так я тебе и поверил».

В этот момент Е Чжэнь достал из широкого рукава неприметный фарфоровый пузырьёк. Прежде чем младший успел задать вопрос, раздался короткий приказ:

— Закатай штанины.

Шуанчэн растерялся. До него наконец дошло, что старший брат пришёл вовсе не наказывать его, а обработать раны. От этого на душе стало как-то неловко.

— Брат... я... я сам могу справиться.

— Не болтай глупостей.

Противиться было бесполезно. Вздохнув, Шуанчэн принялся послушно закатывать штанины, обнажая ровные, светлые голени. На обоих коленях красовались багровые ссадины, сквозь которые проступали мелкие капли крови.

Стоило пальцам Е Чжэня коснуться повреждённой кожи, как Шуанчэн непроизвольно вскрикнул:

— Ай, больно же!

Но едва звук слетел с его губ, как юноша густо покраснел. Ему показалось, что этот возглас прозвучал слишком капризно, будто он просто капризничал перед старшим братом. От собственного малодушия стало жутко стыдно.

Е Чжэнь, впрочем, не обратил внимания на смущение брата. Его сильные пальцы двигались на удивление бережно и ловко. Быстро обработав все раны прохладной мазью, он облегчённо выдохнул и спросил:

— Проголодался?

Шуанчэн молча кивнул и потянулся было опустить штанины, но Е Чжэнь перехватил его запястье:

— Оставь так. Здесь нет посторонних, а ткань только сотрёт мазь.

— Но мне ведь нужно спуститься поужинать...

Е Чжэнь негромко вздохнул:

— Еду принесут в комнату.

Пока они ждали ужин, в комнате воцарилось неловкое молчание. Аура Главы кабинета давила на Шуанчэна, заставляя чувствовать себя не в своей тарелке. Слишком много лет они провели в разлуке, и теперь он просто не знал, о чём говорить с этим почти чужим человеком. К тому же мысли о предстоящей жизни в столице, туманной и пугающей, бередили душу. Юноша беспокойно озираясь по сторонам, то и дело переводя взгляд с тёмного окна на закрытую дверь.

Е Чжэнь внимательно всматривался в черты лица младшего брата, пытаясь отыскать в них прежнего ребёнка. В его памяти всё ещё был жив образ крошечного Шуанчэна, который когда-то семенил за ним хвостиком, доверчиво заглядывая в глаза и звонко лепеча: «Братец, братец...»

Теперь же между ними выросла стена отчуждения. Но винить мальчишку было глупо: он уехал, когда тот был совсем мал, откуда взяться прежней близости?

Е Чжэнь тихо, с лёгкой грустью усмехнулся и ласково потрепал юношу по голове:

— Шуанчэн, как же ты вытянулся.

Шуанчэн замер. Улыбка Е Чжэня была такой тёплой и домашней, что у него защемило в носу. Не выдержав, он придвинулся ближе и негромко, сдерживая подступающие слёзы, позвал:

— Братец...

Е Чжэнь кивнул, его взгляд смягчился:

— Полно тебе дуться. В прошлом я действительно мало заботился о тебе, признаю свою вину. Но теперь, когда мы будем в столице, ты окажешься под моей защитой. Обещаю, тебе больше нечего бояться.

Шуанчэн шмыгнул носом и согласно кивнул. Почувствовав, что суровый старший брат растрогался и испытывает вину, хитрый лисёнок тут же решил извлечь из этого выгоду. Он поглядел на Е Чжэня самыми невинными глазами и тихо пробормотал:

— Но, братец... твой Шуанчэн такой глупый. Я ведь ничего не смыслю в столичных правилах и ничего не умею.

— Не беда, — спокойно парировал Е Чжэнь. — Раз уж ты будешь жить под моей опекой, я лично займусь твоим воспитанием. Всё, что ты успел позабыть за эти годы, мы выучим заново.

У Шуанчэна внутри всё похолодело. Он вовсе не на это напрашивался! Испугавшись перспективы круглосуточной зубрёжки под присмотром строгого наставника, он поспешно уточнил:

— Брат, я имел в виду другое! Если в будущем я случайно совершу какую-нибудь глупость или сделаю что-то не так... ты ведь будешь ко мне снисходителен? Пообещай!

Только теперь Е Чжэнь понял, куда клонит этот сорванец. Он загадочно улыбнулся, но давать обещание он не спешил.

— Вот приедем в столицу, тогда и поглядим.

Как раз в этот момент раздался стук в дверь — принесли ужин. Шуанчэну ничего не оставалось, кроме как замолчать, в глубине души истово надеясь, что грядущая «расплата» в столице окажется не слишком суровой.

<http://bllate.org/book/18190/1746698>